

СУТЕР Р. ИНТЕРПРЕТИРУЯ ВИТГЕНШТЕЙНА: ОБЛАКО ФИЛОСОФИИ И КАПЛЯ ГРАММАТИКИ

SUTER R. Interpreting Wittgenstein: A cloud of philosophy, a drop of grammar. — Philadelphia: Temple univ. press, 1989 .— XVI, 256 p.

Рональд Сутер, профессор философии Университета штата Мичиган (США), отмечает, что, согласно традиционному представлению, философия дает истинное рассмотрение вещей и основание всего познания. Подобного представления придерживались Г. Фреге, Дж. Э. Мур, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн. Так, по разъяснению Мура, первой и самой важной задачей философии является общее описание универсума как целого. Поздний Витгенштейн радикально разрывает с этой традицией, ставя перед философией чисто деструктивную задачу: не решать, но снимать философские проблемы, показывая их бессмысленность. В связи с этим автор возражает против утверждения Э. Кении о наличии у Витгенштейна позитивной концепции философии: Витгенштейн не признавал подлинных философских проблем, рассматривая юс как языковые затруднения. В таком контексте речь может идти только о негативной задаче их преодоления. К этой цели и направлены рассуждения Витгенштейна о значении языковых выражений (он в отличие от многих современных англо-американских философов не интересовался языком самим по себе, но обращался к нему, чтобы вскрыть нарушения логики нашего языка в философских обсуждениях). Витгенштейновская философия призвана излечить нас от искушения ставить философские проблемы; она направлена на их полное искоренение. Средством же для этого выступает у Витгенштейна анализ языковых выражений, и потому автор отвергает появляющиеся в последнее время интерпретации, согласно которым Витгенштейн не является аналитическим философом, Просто поздний Витгенштейн разрабатывает особый тип анализа: в отличие от Рассела он рассматривает использование

языковых выражений, т. е. то, что мы делаем с ними. Анализ языковых игр есть, в сущности, анализ человеческого поведения. Именно последнее, а не формы языковых выражений, служит для Витгенштейна данностью, от которой он отталкивается. Признавая все это, автор тем не менее убежден, что Витгенштейн не выходит за рамки аналитической философии. Просто и сами философы-аналитики не имеют определенных общих признаков, но связаны отношением "семейного сходства".

Примером витгенштейновского анализа является его подход к концепций Фрейда: именно на этом примере можно продемонстрировать, как действует его доктрина "семейного сходства", а также многое понять в специфике подхода самого Витгенштейна: "Сходство, которое Витгенштейн замечает между его собственным и фрейдовским мышлением, указывает нам на важные черты витгенштейновского подхода к философии. Например, он полагает, что ни он, ни Фрейд не занимаются наукой; что они оба занимаются своего рода терапией; что они пытаются заставить нас мыслить определенным образом, несовместимым с общепринятым картезианским подходом; что, пытаясь построить аккуратное описание психических феноменов, они оба сталкиваются с затруднениями не только понимания, но и воли; что они оба подчеркивают важность рассмотрения некоторых вещей в более широком, нежели принято, контексте; и, наконец, что они оба открывают путь к более глубокому самопознанию.

Витгенштейн считал теории Фрейда, например его объяснение природы шуток, хорошим собранием философских заблуждений. Часто вообще не ясно, предлагает ли Фрейд гипотезу или способ описания фактов.¹

Витгенштейн также критиковал фрейдовскую трактовку сновидений за допущение, что сон всегда имеет скрытое значение, выражает подсознательное желание. Фрейд стремится раз и навсегда выяснить

¹ 1См.: Wittgenstein L. Lectures and conversations on aesthetics, psychology religions belief. —Oxford, 1966 .— [8], 72 p. — а также следующие за этим переводы.

сущность сновидений. Витгенштейн же полагает, что есть много различных видов снов (подобно тому, как есть много различных видов шуток, языков, игр и т. п.). У Фрейда он видит проявления все той же "страсти к обобщению", которую считает источником многих философских затруднений.

Витгенштейн ставит над вопрос и фрейдовскую технику свободных ассоциаций, и ее использование для интерпретации сновидений. Он привлекает внимание к тому обстоятельству, что Фрейд попеременно использует, два различных критерия правильности интерпретации: суждение психоаналитика и согласие пациента. Однако позиции психоаналитика и пациента могут не совпасть! В методе свободных ассоциаций Витгенштейн видит и ту трудность, что последние могут не только отражать бессознательные желания, но испытывать влияния самого разного рода. Он подчеркивает и то обстоятельство, метод свободных ассоциаций не показывает, где следует остановиться, где же достигается подлинная и правильная интерпретация.

Витгенштейновская критика методов Фрейда ставит под сомнение статус психоанализа как естественной науки. Так, например, он обращал внимание, что Фрейд фактически изменяет понятие корректного объяснения. У него таковым признается не объяснение, согласующееся с эмпирическим материалом, но объяснение, признаваемое пациентом. Что же делают в таком случае психоаналитики: освобождают пациента от заблуждения или навязывают ему другие заблуждения? Не проверяемо ни то, ни другое, ибо Фрейд строит не научную гипотезу, а новый миф.

Витгенштейн также критикует Фрейда за злоупотребления языком. Последний иногда придает словам новое техническое значение, изменяя их обычное употребление, но это выглядит так, будто он открыл особую сущность. Примером могут служить его рассуждения о "бессознательных намерениях".

Однако, рассматривая витгенштейновскую критику учения Фрейда, не надо упускать из виду отмеченное выше сходство между обоими мыслителями — сходство, вполне осознаваемое самим Витгенштейном. Оба мыслителя отбрасывают картезианское представление о том, что человек имеет неопровержимое знание собственных психических состояний, оба стремятся построить определенную трактовку психических явлений, хотя и различными путями: Фрейд — в виде объяснений, опирающихся на некие законы психического, а Витгенштейн — в виде описаний доступных всем фактов, рассматривая использование в языке психологических терминов. Подходы Витгенштейна и Фрейда вызывают в людях одинаково амбивалентную реакцию: и отталкивают, и притягивают. Подход Витгенштейна отталкивает людей, отличающихся тягой к сущностям. Но это, как объясняет автор, есть тяга к упрощениям. Приятно быть в состоянии сказать про любое явление: "А есть в действительности не что иное, как В". Такому вкусу удовлетворяет как раз подход Фрейда.

Далее автор переходит к более подробному рассмотрению взглядов Витгенштейна на психическое. Их иногда характеризуют как бихевиоризм, но это неверно. Бихевиоризм утверждает, что определенный тип поведения является необходимым и достаточным условием психического состояния. При этом бихевиоризм в его грубейшей форме просто отождествляет психические явления и поведенческие акты, а в более утонченной диспозиционной форме приписывает субъекту некоторое психическое состояние, если и только если при определенных условиях субъект будет склонен вести себя определенным образом. Но в любом случае психическое состояние и поведение связываются через союз "если и только если", чего никогда не делает Витгенштейн (а также Н. Малькольм и П. Стросон). Позиция Витгенштейна характеризуется автором как критериологическая и квазибихевиористская. Витгенштейн признает наличие поведенческих критериев для применения психических терминов; однако критерий — это нечто более слабое, чем необходимое и достаточное условие, хотя и более

сильное, чем просто свидетельство в пользу (наличия соответствующего психического состояния).

Витгенштейновские заметки дают направление и материал для критики бихевиоризма. Против грубейшей формы последнего может быть показано, что нет необходимой связи психических состояний и определенного поведения. Так, человек может симулировать болевое поведение, ничего при этом не испытывая, и испытывать боль, ничем этого не обнаруживая. Он может знать, как продолжить данную математическую последовательность, но не написать ни одного числа (ему не хватит мела или на него свалится кусок штукатурки, прежде чем он успеет подойти к доске). В то же время он может — под гипнозом — продолжать математическую последовательность, не зная на самом деле, как это делать.

Против утонченного бихевиоризма также могут быть выдвинуты существенно Витгенштейновские по своему характеру возражения.

Во-первых, даже утонченный бихевиоризм игнорирует контекст (например, актер на сцене демонстрирует поведение, характерное для чувства гнева, и при этом не гневается). Если мы попытаемся описать все типы поведения, через которые можно было бы определить состояние гнева, то окажется, что те или иные из этих типов присущи болельщикам, эпилептикам во время приступа, влюбленным и т. д. Не говоря уже о том, что при известных обстоятельствах человек может вообще никак не проявлять своих чувств.

Во-вторых, бихевиоризм не может задать необходимых и достаточных условий психических состояний. Как, например, определить через поведение психическое состояние влюбленности? Гнева? Страх? Если принять утонченную диспозициональную форму, то список условий в предложении: "При условиях p субъект A будет склонен вести себя так-то и так-то" окажется бесконечным, ибо его невозможно составить исчерпывающим образом.

Таким образом, менталистские и психологические термины необходимы. "Витгенштейн сказал бы, что большая ошибка бихевиоризма состоит в неправильном понимании природы языка. Бихевиоризм представляет себе язык гораздо более простым и законченным, чем он есть на самом деле" (с. 71). Так, бихевиоризм, стремясь построить определения психологических терминов в терминах поведения, упускает из виду, что первые подобны понятию "игра": явления, входящие в их объем, не имеют общей сущности, но объединяются "семейным сходством". И при этом психологические термины открыты для становления новых, непредсказуемых употреблений. Уже поэтому они не могут быть проанализированы в терминах необходимых и достаточных условий. (Вообще, ошибка редукционизма любого толка, в том числе сведения объектного языка к языку чувственных данных, видится автору именно в этом.)

В то же время "бихевиоризм прав в одном: мы приписываем психологические предикаты другим людям на основании поведения и выражения лица" (с. 71). Позиция Витгенштейна удерживает эту истину бихевиоризма и избегает упрощенного и неадекватного представления о функционировании психологических терминов.

Далее автор рассматривает проблему тождества сознания и мозга, пытаясь рассуждать в соответствии с духом и буквой учения Витгенштейна.

Следует различать тезис о тождестве (ТсТ) и теорию (ТяТ) тождества. ТсТ гласит, что сознание тождественно процессу или состоянию головного мозга. ТяТ утверждает, что ТсТ — это правдоподобная научная гипотеза, не содержащая внутренних противоречий и трудностей, что ТсТ с логической точки зрения есть случайное фактуальное утверждение, истинность (или ложность) которого должна быть установлена дальнейшим развитием науки.

Философского обсуждения тут требует именно вопрос о статусе ТсТ: действительно ли он корректен или должен быть отброшен по чисто

логическим основаниям. Автор показывает, что ТсТ не согласуется с практикой употребления в нашем языке психологических терминов.

Во-первых, эмоции не могут быть тождественны физиологическому процессу, протекающему в мозгу, ибо в отличие от него они не имеют локализации. Витгенштейн предлагает задуматься над вопросом, в каком месте человек чувствует печаль, Ненависть, Любовь, Радость. Сам вопрос кажется бессмысленным. В то же время можно сказать: "Я чувствую в груди радостный трепет*". Хотя можно локализовать чувства, пробуждаемые радостью, нельзя локализовать саму радость. Хотя бы в силу этого эмоции (и аналогично мысли, убеждения, представления, желания и т. п.) не могут быть физическими процессами"

В ответ на подобное возражение Дж. Дж. Смарт предлагает изменить естественный язык. Но даже если бы это было возможно, это означало бы, как справедливо замечает Н. Малькольм, что ТсТ есть аналитическое утверждение, а не научная гипотеза. Поэтому ТяТ все равно была бы ошибочной.

Во-вторых, если бы ТсТ был справедлив, это означало бы, что (при наличии соответствующего оборудования) ученые могли бы непосредственно наблюдать гнев, радость, любовь, убеждения и мысли о том-то и том-то. Их можно было бы сфотографировать и с помощью соответствующих снимков давать остенсивные определения любви, гнева, радости, боли, мысли о теореме Пифагора и пр. Однако подобные фантазии противоречат нашему употреблению психологических понятий. Для нас фраза: "Посмотри, вот ее воспоминания о ее первом поцелуе" , — бессмысленна. В нашем языке допустимы лишь каузальные утверждения, что воспоминания (мысли, эмоции и пр.) причинно обусловлены функционированием определенных участков мозга (и такая гипотеза может быть эмпирически проверена).

В-третьих, если бы психические явления были физиологическими процессами, то мы могли бы заблуждаться относительно них. В самом деле, я вполне могу ошибиться относительно того, что в моем мозгу протекает процесс Р. Однако я не могу заблуждаться относительно того, что я испытываю, например боль. Следовательно, психические явления обладают характеристиками, которых необходимым, концептуальным образом лишены физиологические процессы и состояния, и наоборот. Поэтому никакое будущее развитие науки не может (ибо это логически невозможно) установить тождество психического и физиологического.

Некоторым, правда, покажется узкой и догматичной такая апелляция к употреблению психических терминов в обыденном языке. Почему наука должна действовать с оглядкой на обыденный язык? Разве физика, например, не изменила понятие массы по сравнению с его обычным употреблением? Да, конечно, отвечает автор. Но при этом физика не скрывала, что она отказалась от принятой "языковой игры" со словом "масса" и построила свою "языковую игру". Соответственно, она начала решать свои собственные проблемы, не претендуя на решение проблем, с которыми связана обыденная "языковая игра" со словом "масса". Поэтому, если философия и физиология откажутся от обычного употребления психических терминов, они должны будут честно предупредить, что их утверждения и решения не имеют отношения к нашим проблемам, связанным с эмоциями, внутренними состояниями, пониманием психических состояний других людей и т. п.

ТсТ означает разрыв концептуальной связи между психическими состояниями и соответствующим поведением и выражением лица (осознание наличия такой связи составляет сильную сторону бихевиоризма). Витгенштейн подчеркивает, что мы знаем, как использовать психологические термины, только если знаем, какого рода поведение и выражение лица являются критерием приписывания человеку соответствующего психического состояния. Так, само понимание слова "боль" предполагает, по Витгенштейну, знание естественного болевого поведения.

Бели бы ТсТ был верен, то это означало бы, далее, что не Я, не человек, а мозг имеет мысли, чувства, ощущения, любит, радуется, вспоминает и т. п. В нашем языке подобные выражения, однако, являются абсурдными. Недаром Витгенштейн в "Философских исследованиях" подчеркивал (§ 281): "Только о живом человеке и о том, что подобно ему (ведет себя подобным образом), можно сказать: у него есть ощущения; он видит; он слеп; он слышит; он глух; он сознает или не сознает". Существенно, что мозг никак не "ведет себя". Поэтому мы не можем осмысленно приписывать ему психические состояния.

Из всего этого следует, что "тезис тождества невозможен, что вытекает из одних только логических или концептуальных соображений" (с. 93).

Далее автор обращается к витгенштейновской критике картезианского дуализма. Согласно Декарту: 1) человеческие тела находятся в пространстве и времени, а сознание непространственно, хотя и находится во времени; 2) все физические тела подчиняются физическим законам и объяснимы в их терминах, однако сознание и психика не подчиняются им и не объяснимы в их терминах; 3) физические тела доступны общему восприятию, а сознание доступно только самому себе; 4) психологические понятия получаются непосредственно из нашего психического опыта, причем внутренний опыт в отличие от внешнего не подвержен ошибкам — сознание имеет совершенное и непосредственное знание своих собственных (но не чужих!) психических состояний; 5) разные люди не могут иметь те же самые мысли и чувства; 6) сознание не может сомневаться в собственном существовании, но может сомневаться в существовании тел, включая свое собственное; 7) сознание и тело причинно взаимодействуют. Последнее ввиду перечисленных выше принципиальных различий между сознанием и телом совершенно непонятно и невразумительно. Впрочем, и сам Декарт признавал, что их взаимодействие загадочно.

Витгенштейн показывает, что особая достоверность утверждений субъекта о собственных психических состояниях не связана ни с каким особым способом внутреннего познания. Она вообще является грамматической, а не эпистемической. Неопровержимость утверждения "Я сейчас испытываю боль" является элементом его грамматики: последняя определяет, что фразы типа "Я сейчас испытываю боль, но не уверен в этом", "Я не знаю, испытываю ли я сейчас боль" бессмысленны. Поэтому, кстати, лишено смысла утверждение "Я знаю, что я сейчас испытываю боль": ведь бессмысленно говорить о знании там, где не может быть незнания.

Что же касается утверждений о чужих сознаниях, то Витгенштейн показывает, что они вовсе не опираются на аналогию (с моим сознанием), что якобы сообщает им неустранимую ненадежность. Он показывает, что мы выучиваем значение любого понятия, обозначающего внутреннее состояние не на основании интроспекции. Частью языковой компетенции является способность распознавать, когда мы встречаемся с соответствующими психическими состояниями у других людей (хотя распознавание не обязано быть безошибочным). Так, значения слов, обозначающих ощущения, выучиваются на основе естественных и непосредственных их выражений. Например, слово "боль" выучивается как замена крика и плача, как новый тип болевого поведения, а не как описание внутреннего, недоступного другим опыта.

Развивая далее рассуждения Витгенштейна, автор утверждает, что "вы можете иметь мои ощущения, а я — ваши" (с. 127): и Витгенштейн, по его мнению, склонен был считать, что разные люди могут иметь те же самые ощущения и мысли. В самом деле, Витгенштейн доказывал, что мы не стоим в особом отношении обладания к нашим мыслям и ощущениям. "Если мы не можем разделять одни и те же чувства, то как тогда существует близость между людьми, как они избегают одиночества?" (с. 127).

Конечно, суждение о том, что другой человек имеет те же ощущения, что и я (или наоборот), не может быть безошибочным, — как впрочем, и любое человеческое суждение. В то же время оно опирается на известные основания, например: общность причины, вызвавшей ощущение (один и тот же вид травмы и чувство боли, вызываемой ею); одинаковое поведение; одинаковое описание людьми своего ощущения и т. п.

Признание того, что разные люди могут иметь одни и те же чувства и мысли, также служит опровержению картезианского дуализма.

В то же время автор подчеркивает, что рассуждения Витгенштейна не содержат никакой теории психического. Он не раскрывает сущность этих явлений, а только дает описание языка, показывает реальное использование психологических терминов. Однако такое описание позволяет увидеть неудовлетворительность бихевиоризма, теории тождества, картезианского дуализма. "Мы убеждаемся также, что любой психологический термин обозначает явления, объединяемые семейным сходством, и поэтому не может быть проникающей в сущность этих явлений философской теории сознания".

Собственный подход Витгенштейна к психическим явлениям характеризуется как критериологический. По определению П. Хакера, одного из виднейших комментаторов Витгенштейна, "критерий для Р есть грамматически (логически) определяющее основание или довод в пользу истинности Р". Критериями психических процессов и явлений у Витгенштейна выступают поведение, выражение лица, а иногда — вещи, не доступные непосредственному наблюдению, например способность сделать что-то. Критерий Х концептуально связан с Y, критерием которого он является, так что при изменении Х меняется значение Y. Связь между Х и Y сильнее, нежели связь между Y и каким-то свидетельством в его пользу. В то же время критерий Х слабее, чем необходимое и достаточное условие для Y.

Автор также рассматривает и развивает витгенштейновскую критику рассуждений Августина о времени, отмечая, что источник философских затруднений Августина лежит в грамматике слов "прошлое" и "настоящее" и

"будущее", побуждающей видеть в них особые предметы и задавать вопрос о том, где они находятся. Августина подводит также при обсуждении проблемы измерения времени аналогия с измерением длины физического объекта.

Используя идеи, развиваемые Витгенштейном в работе "О достоверности" , автор строит опровержение декартовской процедуры сомнения, в частности его утверждения, что у меня нет достоверных оснований, позволяющих считать, что я в настоящее время не сплю, и что все, что я вижу вокруг меня, — это действительность, а не сон. Автор стремится показать, что фраза "Я в настоящее время сплю" нарушает условия осмысленного употребления слова "спать". Соответственно, бессмыслен вопрос: "Сплю я сейчас или бодрствую".

В заключение автор критикует интерпретацию витгенштейновских рассуждений о следовании правилу, предложенную С. Крипке¹, на том основании, что Витгенштейн отвергал позицию скептицизма как философскую бессмыслицу и потому никак не мог сам сформулировать скептический парадокс.

З. А. Сокулер

См. подробнее: Сокулер З. А. Проблема "следования правилу" в творчестве Л. Витгенштейна и ее интерпретации // Современная аналитическая философия. / РАН ИНИОН, — М., 1988 .— Вып.1 .— С. 127-155. Грязнов А. Ф. "Скептический парадокс" и пути его преодоления // Вопр. философии .— М., 1989 ,— № 12 — С. 140-150.